

Павел Засодимский

Ринальдово счастье

Павел Засодимский
Ринальдово счастье

«Public Domain»

1899

Засодимский П. В.

Ринальдово счастье / П. В. Засодимский — «Public Domain»,
1899

«...Старуха усмехнулась. Ринальд внимательно посмотрел на нее, на ее выпрямившийся стан и на серьезное лицо. И вдруг припомнились ему слышанные в детстве от матери песенки и сказки про добрых и злых духов, да про волшебниц; ожила в нем на мгновение прежняя детская вера в чудеса, – сердце его ёкнуло и сильно забилося...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Павел Владимирович Засодимский

Ринальдово счастье

Сказка

I

Ринальд был каменщик – так же, как его отец и дед. Его отец и мать уже давно умерли, и из его близких родных никого не оставалось в живых. Жил он на самом краю города в маленькой, жалкой лачуге, доставшейся ему после отца.

Ринальд был молодец собой: здоровый, сильный, высокого роста, с смуглым, красивым лицом и с густыми, темными, вьющимися волосами. Когда он был еще мальчиком, кумушки-соседки, бывало, смотря на него, говорили: «Счастливый будет сын... весь в мать!» Ринальду уже минуло 30 лет, но счастье еще не заглядывало в его полутемную, старую лачугу.

Была зима. Работы в городе для каменщиков стало мало. Весь день Ринальд проходил по городу, ища какой-нибудь работы, но напрасны оказались его поиски... Зимний день – короткий. Сумерки уже сгущались над землей, когда Ринальд, усталый и голодный, печально поникнув головой, возвращался из своих странствований на окраину города, где ютится беднота. Снег густыми хлопьями валил с серого, заоблаченного неба... «Дома у меня есть еще немного картофеля, кусок черствого хлеба и щепотка соли... Нужно только добыть дров!» – раздумывал Ринальд. Он свернул с дороги и вышел на берег реки, где за городом начинался темный, дремучий лес. Тут, на лесной опушке, он набрал охапку валежника и направился домой.

Придя в свою пустую, холодную лачугу, Ринальд тотчас же принялся разводить огонь на очаге. Но сырой валежник не скоро разгорелся: он долго только шипел и дымил.

Наконец, веселый огонек затрещал на очаге. Тогда Ринальд развесил над очагом свой мокрый плащ и шапку, а затем стал готовить себе обед. Он положил в котелок последние картофелины, налил в него воды и поставил вариться это незатейливое кушанье. А пока, – в ожидании обеда, – он присел на деревянный обрубок перед очагом и с грустью посмотрел на свою мрачную, закоптелую лачугу.

«Вот майся этак всю жизнь...» – со вздохом сказал он про себя, пододвигаясь к огню и потирая свои озябшие, плохо обутые ноги. «Еще хорошо, если перепадет работа, а если нет ее, – голодным насидишься... А ведь есть же на свете счастье, бывают же на свете счастливыц!.. Ох, Боже мой! Хоть бы неделю, хоть бы один денек пожить всласть, вволю, как живут иные добрые люди! А то жизнь пройдет, и ничего-то хорошего не увидишь, не узнаешь... Вот хоть бы теперь...»

В ту минуту кто-то тихо постучал в окно. Ринальд слегка вздрогнул и оглянулся. Ему было неприятно, что перервали его думы... Нехотя встал он и, наклонившись, посмотрел в свое низенькое, крохотное оконце. Там сквозь вечерний сумрак, из-за снежных хлопьев, крутившихся в воздухе, он с трудом разглядел какую-то сгорбленную старуху, в лохмотьях, опирающуюся на клюку. Старуха, казалось, с любопытством заглядывала в оконце, щуря свои подслеповатые глаза.

– Пусти погреться, добрый человек! – чуть слышно прошамкала старуха, опять постучав в окно своею костлявою рукою.

– Иди! – сказал Ринальд и пошел отворять дверь. Старуха, едва волоча ноги, переступила через порог, отряхнула с себя снег и, подойдя к очагу, присела на другой деревянный обрубок, стоявший перед огнем. Она положила у ног свою походную клюку и, вся сгорбившись, ежась

и дрожа, стала протягивать к огню свои посиневшие на холоде руки с костлявыми, крючкова-
тыми пальцами.

– Не красны же твои палаты, да и сам-то ты, молодец, что-то не весел! – промолвила
старуха, оглядывая закоптелые стены и низкий, черный потолок, затканый по углам паутиной.

– Не с чего мне, бабушка, быть веселым! – отозвался каменщик.

– Что ж, так, родимый? – вопросительно посмотрев на него и приподняв свои густые,
седые брови, продолжала старуха. – Горе у тебя какое-нибудь? Кручина на сердце залегла, что
ли?

– Не кручина... горя особенного нет... А так, живется плохо... бедность одолела! – про-
ворчал Ринальд.

– Да сегодня-то у тебя хватит поесть? – спрашивала старуха, наклоняясь к огню.

– На сегодня-то есть!.. – печально проговорил Ринальд, также подсаживаясь к очагу и
заглядывая в котелок.

– Ну, а «завтра» будет, – само добудет! – успокаивала его гостья.

– Работы нет, почти весь город исходил, ничего не нашел... – жаловался каменщик.

– Ну, что ж! Ужо еще поищешь... завтра, может статься, будешь счастливее!

– Счастливее! – с горькой усмешкой вскричал Ринальд. – Да если я завтра и найду работу,
какое ж в том счастье? Наше каменщицкое дело такое, что от него не разжиреешь... Сколько
ни работай, на нем не заработаешь больше, как на кусок хлеба. Работаешь, как будто только
для того, чтобы добыть кусок хлеба, и съедаешь этот хлеб для того, чтобы быть в силах опять
работать с утра до ночи... И так всю жизнь, – без радости, без веселья...

Собеседники замолчали. Старуха украдкой, долго и пытливо, посматривала на Ринальда,
на его понуренную голову. И порой на мгновенье бледная, холодная улыбка, как негреющий
луч зимнего солнца, мелькала на ее тонких, сухих губах.

– Обедом-то своим поделишься со мной? – немного погодя, спросила старуха.

– Отчего ж не поделиться, бабушка! Угощу тебя на славу... – с горькою улыбкой ответил
Ринальд.

– Вот и хорошо! Вот и ладно! – одобрительно качнув головой, промолвила гостья.

Обед тою порой был готов. Хозяин придвинул к огню небольшой стол, выложил на него
из котелка уварившийся картофель, поставил солонку и, разломив пополам свой последний
кусок хлеба, сказал старухе:

– Ешь, бабушка!

Та съела одну картофелину и отломил от куска несколько крошечек.

– Ешь! – угощал ее хозяин.

– Сыта! Спасибо, добрый человек! Старухе немного надо...

Когда стол был убран, Ринальд подкинул валежника на очаг, и огонек весело затрещал,
беглым, красноватым светом озаряя убогую лачугу. Старуха подняла свою клюку, оперлась на
нее и, выпрямившись, сказала Ринальду:

– Ты пустил старуху обогреться и накормил... Я хочу отблагодарить тебя... Скажи, чего
ты желаешь, – и исполнятся все твои желанья!

– Ты кто ж такая? Уж не фея ли? – спросил Ринальд, с улыбкой посмотрев на свою нека-
зистую гостью. – Я знаю, что феи в старину водились, но те феи были молоды, красивы, явля-
лись людям в блестящем одеянье и с волшебным жезлом в руке...

– Ты хочешь сказать, что я не похожа на тех фей; что я стара и не нарядна, и в руке у
меня дрянная клюка вместо волшебной палочки... – перебила его собеседница. – Почему же
знать, голубчик! Может быть, и феи бывают разные... Прежде бывали молодые да красивые,
а ныне они, может быть, старые да безобразные...

Старуха усмехнулась. Ринальд внимательно посмотрел на нее, на ее выпрямившийся стан
и на серьезное лицо. И вдруг припомнились ему слышанные в детстве от матери песенки и

сказки про добрых и злых духов, да про волшебниц; ожила в нем на мгновение прежняя детская вера в чудеса, – сердце его ёкнуло и сильно забилося. А что, если в самом деле эта безобразная, беззубая старуха в грязном лохмотье – какая-нибудь могущественная волшебница? Ведь мало ли чего не бывает на свете! А что, если она каким-нибудь таинственным образом подслушала жалобы Ринальда на его злую долю – и явилась к нему на помощь в виде этой отвратительной старухи? И Ринальд подумал: «А что, если она в состоянии вдруг превратить меня в принца! Ринальд, каменщик – принц, чорт возьми!..» Было отчего сильно забиться сердцу и закружиться бедной голове!

– Ну, скажи же мне: чего ты желаешь? – повторила старуха, не сводя с него пытливых старческих глаз.

Ринальд не мог удержаться от охватившей его веселости и, ударив себя рукой по колену, вскричал:

– Ну! Я хочу быть счастливым!

– Счастливым! – как эхо пробормотала старуха. – Все хотят быть счастливыми, но не все, дружок, одинаково понимают счастье. Скажи толком: чего именно желаешь ты?

Ринальд на минуту задумался и смотрел на огонек, перебежавший по валежнику. Когда догоравшая ветка падала вниз, золотистые искры взлетали над очагом... Старуха терпеливо ждала, опираясь на клюку своими костлявыми руками и уткнувшись в них подбородком. Задумчиво смотрела она на Ринальда из-под косматых, седых бровей.

В лачужке было тихо, так тихо, что даже норой был слышен легкий шорох, когда хлопья снега, наносимые ветром, ударялись в окно. И вот посреди этого безмолвия Ринальд заговорил:

– Я хочу жить долго-долго, лет сто или более, и хочу быть постоянно здоровым, сильным.

– Так! – поддакнула старуха, качнув головой.

– Я хочу быть всегда сытым, и чтобы всегда были у меня самые вкусные кушанья и самое лучшее, дорогое вино...

– Так! – опять поддакнула старуха.

– Я хочу жить в хорошем, большом, светлом доме – вроде королевского дворца, и чтобы люди прислуживали мне... Я хочу, чтобы у меня были самые нарядные платья – вроде тех, какие я видал на знатных господах...

Старуха утвердительно кивнула головой.

– Я хочу, чтобы у меня все было, что есть у самого богатого человека на свете... – продолжал Ринальд, стараясь выговорить себе как можно более всяких благ и в то же время опасаясь, как бы чего-нибудь не упустить из вида. – Я хочу, чтобы мне не нужно было работать... Захочу – поработаю, а не захочу, – гулять пойду, или лягу спать, или просто буду лежать и глазеть на потолок... А для того нужно, чтобы у меня было денег много-много...

Старуха только поддакивала.

– Я хочу быстро научиться всему, чему бы я ни вздумал учиться...

Ринальд запнулся и задумчиво посмотрел на уголья, догоравшие на очаге.

– Ну, что ж еще? – спросила старуха.

Ринальд беспокойно заворочался на своем деревянном обручке и, продолжая смотреть на красные и золотистые искры, перебежавшие по угольям, тер себе лоб. Он ужасно боялся, как бы ему не позабыть какого-нибудь желанья. От волнения даже пот выступил у него на лбу и на висках. Наконец, он поднял голову и, растерянно посмотрев на гостью, с неуверенностью прошептал:

– Пусть бы все желания мои исполнялись!

– Ого-го! Уж не слишком ли будет много? – с улыбкой сказала та. – Нет! Это уж не в нашей власти... Впрочем, скажи мне: твои желания не касаются других? Теперь ты думаешь и говоришь только о себе – о себе одном, или имеешь в виду еще кого-нибудь, кроме себя?

– Нет, нет! Я говорю только о себе и больше ни о ком... Я желаю только для себя... поспешно вскричал Ринальд, словно испугавшись, что его хотят заставить поделиться с кем-то его счастьем и тем уменьшить его долю.

– И будет так! – сказала старуха. – А теперь – прощай!

Она медленно поднялась и, опираясь на клюку, тихими, крадущимися шагами пошла из избышки. Когда дверь неслышно затворилась за нею, Ринальд вдруг вскочил и бросился вслед за старухой. Выбежав на улицу, он торопливо взглянул направо и налево, но из-за снежной бури не увидел никого: старухи и след простыл. Ринальд забыл пожелать сделаться принцем... А впрочем и богатый человек бывает в почете – не меньше принца...

Ринальд, возвратившись домой, диким, блуждающим взглядом обвел свою лачугу, словцо пробудившись от сна. Последние уголья на очаге уже догорели и подернулись серым пеплом. В лачужке было холодно и темно. Оконце, полузанесенное снегом, пропускало скудный свет... Ринальд взглянул на обрубок, где еще недавно сидела старуха, – и вдруг горько рассмеялся.

– Поверил! – прошептал он. – Какая-то нищая, старуха-попрошайка, нагородила мне всякой чепухи, а я и уши развесил... Ха! Теперь она, я думаю, смеивается надо мной... Одурачила, старая!..

Он с досадой схватил свой на ту пору просохший плащ, завернулся в него и лег на лавку. Засыпая, он ворчал про себя:

«Эх, Ринальд, Ринальд! До 30 лет, брат, дожил, а ума не нажил... Всякому вздору веришь! Старуха этакую важность на себя напустила... Фея! Хороша фея... вся в заплатках да в дырах!.. И все эти феи – выдумка, да и все-то на свете – чепуха...»

Разом порешив таким образом все вопросы и окончательно успокоившись, Ринальд повернулся на другой бок и под стоны и завыванье бури скоро заснул крепким, богатырским сном.

А снег по-прежнему падал и падал с серого, ночного неба и белыми хлопьями заносил оконце ринальдовой лачуги...

II

На другой день Ринальд проснулся довольно поздно, раскрыл, глаза и долго недоумевал: действительно ли он проснулся или еще продолжает грезить. Он трогает себя за нос, дергает за волосы... Больно! Значит, он не спит... Да что ж это такое? Господи, помилуй!..

Ему представляется, что он лежит на мягкой, белоснежной постели, – на каком-то великолепном ложе; вокруг постели широкими складками спускаются малиновые занавесы, с золотой бахромой... Что за чудо! Неужели старуха не лгала? Неужели желания его исполняются?.. Сердце его сильно бьется. Задыхаясь от волнения, дрожащею рукой он отдергивает занавес, и просто глазам не верит... Такая роскошь, такой блеск ему и во сне-то никогда не снились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.